

1.2. Движущие силы духовного развития ребенка

Учение о примате духовного начала в человеке ставит вопрос о феноменологии духа в смысле ступеней его раскрытия в эмпирической жизни человека, то есть ставит вопрос о ступенях и формах духовной жизни у ребенка. Это понятие имеет чрезвычайно важное значение для того, чтобы уяснить себе движущую силу духовного развития ребенка.

Именно этого знания и не хватает нашим педагогам, чтобы определить пути духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Важно суметь связать ступени эмпирического развития человека с его духовным становлением. Это, по-нашему мнению, блестяще удалось профессору-протоиерею В. В. Зеньковскому. Он утверждал, что развитие личности ребенка идет в этих трех направлениях — развитие своеобразия, основных сил, творческого начала

в ребенке, — развитие в нем исконного раздвоения добра и зла и связанное с этим развитие начала свободы, — развитие связи его с социальной средой, через усвоение языка. Все это не просто «духовное развитие», но целостная жизнь. Духовная сфера и эмпирическая личность неразрывно и неповторимо личностны, в живой и интимнейшей связности, в подлинной целостности они имеют единую жизнь. Центр тяжести лежит не просто в развитии эмпирии ребенка, но в соотнотельном и целостном сочетании зреющего духа и его эмпирии. Поэтому источником развития фаз в развитии ребенка является различное соотношение этих двух сфер. Так, автор различал следующие периоды в развитии детства:

1. Грудной период: от рождения до года.
2. Раннее детство: от 1 года до 5,5 – 7 лет.
3. Второе детство: от 5,5 – 7 лет до 11,5 – 13 (у девочек несколько раньше, чем у мальчиков).
4. Отрочество: от 11,5 – 13 до 15 – 16,5.
5. Юность: от 15,16,5 до наступления зрелости [2, 57].

Профессор выделял особенности детского возраста, указывая на то, что иерархическая конституция человека так же свойственна ребенку, как и взрослому, — хотя соотношение психических сил у него иное, чем у взрослых. Дитя медленно, шаг за шагом овладевает своим телом, приобретает тем волевой опыт, раскрывающий перед ним путь свободы, столь связанной с волевой сферой. Это медленное созревание воли и интеллекта уже само собой создает для эмоциональной сферы условия большего развития и действия, чем у взрослых. Дети экспансивнее, непосредственнее, горячей переживают свои эмоции, чем взрослые, и богатство эмоций, их свежесть и подвижность, их сила и страстность кладут свою печать на все процессы в детской душе. Эмоции, со стороны своего психического содержания, еще недостаточно выявляют идейную, смысловую насыщенность, дети не могут ещё психически овладеть содержанием своих чувств. Однако всем известно, какое большое место в душевной работе ребенка принадлежит воображению, — само познание мира одушевляется миро-созерцательной установкой. Сфера воображаемого и сфера действительности рано распознаются ребенком, как две различных сферы.

На этой именно основе, на чрезвычайной близости их перехода одной в другую основано чрезвычайно важное, можно сказать центральное явление в детской жизни, занимает игра. В. В. Зеньковский отмечал: «Игра создает исключительные благоприятные условия для

развития всех сил ребенка — тем, что объект игры берется лишь частично из действительного мира, а в главной своей части творится воображением... В игре дитя устремлено к реальности, но свободно от ее давления, — и это не столь важно для того, чтобы зреющие силы ребенка легко выступали наружу — но важно для того, чтобы деятельность ребенка имела характер труда. Игра есть свободное творчество, важнейшее проявление эстетического начала — поэтому в игре больше всего зреет активность ребенка, сознание и навыки своего творческого отношения к миру. В игре впервые возникает и опыт свободы — правда еще лишенный в значительной степени морального характера, ибо тот тип свободы, который открывается в игре, хотя еще недифференцирован, но все же преимущественно приближается к эстетической свободе»¹.

Кроме игры, другим, чрезвычайно существенным ключом к психологии детства В. В. Зеньковский называл влечение детей к смысловой сфере: «...стремление проникать в сферу смыслов, овладевать ими и жить ими. Во влечении к смысловой сфере, в непосредственной интуиции смысла в мире, в наивной, но необычайно живой и глубокой, непосредственной вере, что во всем есть смысл, в таинственном, чисто духовном, но зажигающем всю психику ребенка касании к этой сфере смыслов дана изначальная точка всей духовной жизни ребенка»².

Чистота и непосредственность детской души свидетельствуют о том, что в ней изначальное раздвоение в духовной сфере еще не достигает плана сознания. Детская душа целостна и в своей глубине, что ей чуждо различение добра и зла. Дитя, конечно, наивно и в добре и в зле, моральное сознание еще не связывает путей добра и зла с волей, с свободным решением, но вкус ко злу (уже сознаваемому, как недолжное, только не связываемому с чувством свободы) уже есть налицо. Выявлено, что своеобразие детства не в отсутствии влечения ко злу, не в отсутствии духовной раздвоенности, а в непрозрачности ее для оценивающего сознания³.

Пути добра и зла, вкус к добру и злу — все это есть, в душе, но не связано еще с моментом свободы. Само чувство ответственности, рано просыпающееся у ребенка, связано пока с эмпирической актив-

¹ Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. — М., 1993. — С. 104.

² Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. — М., 1993. — С. 107.

³ Там же. — С.110.

ностью, с эмпирическим авторством, но не с «сердцем», не с источником наших обращений к добру или злу. Дитя поймет наказание за дурной поступок, но не могло бы понять идеи наказания за дурную мысль, за влечение ко злу. Тайна свободы развернется позже, когда дитя осознает, что его влечения, желания и замыслы исхода от него самого, когда оно поймет, что оно несет ответственность за свою собственную глубину, за свое сердце, за свои желания и замыслы. Свобода в ребенке есть, он фактически выбирает в глубине своей между добром и злом, но не осознает этой свободы, не относит этих глубинных движений сердца к тому центру личности, каким является пока эмпирическое «я».

Василий Васильевич, характеризуя каждую ступень, начинал с раннего детства, которое он называл «духовным грудным периодом». Духовная жизнь этого периода поразительна тем, что «греховное» в ней еще ничтожно и мелко — не по своему объему или значительности, — а по периферичности в составе всего, чем занята духовная жизнь. Дитя вживается в весь безграничный мир «смыслов» — в природу, в человеческие отношения, в то, что над человеком (что дитя смутно, но твердо сознает); духовно вовсе не пусто раннее детство, как может показаться при свете той огромной психофизической жизни, развитие которой в раннем детстве нам видно прежде всего. Дитя вживается в духовный мир, который своей светлой бесконечностью обвивает детскую душу. Оно набирается на всю жизнь творчески действующих в нем интуиции, крепнет и раскрывается в том, что в нем глубже души и тела — в своей духовной внутренней жизни. Сознание мало связано с этим миром духовности и все больше уходит во внешний мир. Это есть пора своеобразного скрытого дуализма, внутренней борьбы между двумя питательными источниками человека. Этот внутренний дуализм, это сосуществование рядом двух путей жизни не замечается ребенком и не таит в себе никаких взаимно ослабляющих начал. Как не конкурируют, а восполняют друг друга глаз и ухо, так духовная и психическая жизнь, большое и малое, вечное и преходящее восполняют друг друга. В раннем детстве есть свобода, но ослепительное познание силы («решать» и «решаться»), которая в нас призвана «распоряжаться» свободой, растёт медленно. В этом возрасте возникает оригинальное сочетание духовного богатства и очень медленно возрастающей силы эмпирической психики. Последняя не имеет возможности влиять на духовную сферу ребенка. Только это указывает на тип детства, как духовную задачу для взрослых: пребы-

вание в реальном мире и даже служение ему ни в малейшей степени не должно ослаблять или затруднять окрыленность духовной жизни, цветение в нас духовной силы. Мы не можем снова стать детьми, да и ценности нет в том, что неизбежно лишь для детства — в наивности и неосознанности своей двойной жизни, — но то равновесие, которое у ребенка является неустойчивым, уступая место другим периодам развития (а для нас, взрослых, задачей как раз является создание равновесия, устойчивого и «критического», т. е. осознанного и свободного от наивности) — это равновесие и определяет духовно психологическую высоту ребенка.

Таким образом, знание основных движущих сил духовно-нравственных сил ребенка, с нашей точки зрения, является неотъемлемой компонентой профессиональной компетентности педагогов, обеспечивающей окрыленность духовной жизни, цветение духовной силы, творческое и живое равновесие.